

ИЛЛЮСТРАЦИИ „Красного Знамени“

❖ ❖ ❖ ❖ ❖ г. ТОМСК ❖ ❖ ❖ ❖ ❖

№ 1

5. ИЮЛЯ, 1923 ГОДА.

ПРИЛОЖЕНИЕ
к № 145

ЗЛОБНАЯ ТЬМА.

Рассказ С. Под'ячева.

I.

Трещавшая кинжальной бородкой, покрывшейся на морозе ледеными сосульками, фыркая красным носом и облизывая кончиком языка усы, тоже покрытые сосульками,

— Где была,—передразнила его баба,—известно где: у любовника гуляла, а ты где? Опыт, знать, глотнул держма-то в капирацин-то в своей, чтоб вам всем передохнуть там, дай господи! Развели кабаки! При царе жрали в три горла,

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ПРОСВЕЩЕНИЯ
А. В. Луначарский.

прибежал запыхавшись к себе в избу из общественной кооперативной чайной гражданин Агап Иванович Неуклопов г, отворив дверь и увидя, что в избе никого нет, заорал.

— Жена! Авдотья! Эй! Где ты опять, трещала, шляешься? Эй!

Он подождал немного, ожидал откуда-нибудь ответа, и, не дождавшись, опять завопил:

— Да что же ты сама дела, окающая сила, долго ли я терпеть от тебя буду насмешки-то твои, а? Эй!

— Ну, чего ты орешь-то, шут, прости господи, старый?—раздался позади его голос вошедший из сенцев в избу жены его Авдотьи,—что тебя, чорта, режут, что ли, ах! снес захотел, малютка?

— Где была?!

а теперь еще того опять зачали, чище. Торговцы тоже! Ну, зачем я тебе понадобился? Чего глазницы-то таранщишь, не узнал знать?

— Молчи покада цеза!—зарычал на нее Агап Иванович и затонал погамн.—Дело тут неоткладной важности, а она слозычь, свое лапочет!

— Какое дело?

— Какое? вот тебе какое такое! Никого нет дома-то?

— Чай, видишь—никого. Аль ослен с самогону-т?

— Божье благословенье убирать надо скорей!—заволнованно и торжась заговарил Агап Иванович, отщипывая пальцами с усов сосульки и кидая их на пол.—Иконы! святиню!

— Какие иконы убирать? Куда?—удивилась баба.

— А-а-а, что с тобой толковать-то с душой! Говорю убирать надо—стало быть надо. Дура, чорт, декрет вышел новый от товарищей иконы святые налогом облажить, а не хошь платить налог—жги! В Москве, говорят, на Красной площади спалили их—конца краю нет, а по улицам чучелов рижаных полами послали, песни пели, а под канеп повов этих самых, чучелов то, для потехи всенублично

— Да ведь туда каждый раз не забегаешься. Шутки ты! Скажем, победил ты, из-за стола вылез, а на кого креститься—не на кого! Не побежишь на чердак. А после завтра Крещение, поп придет. Что ж его со святой-то водой на чердак тащить?

Аган Ивайч молчал, не зная что ответить.

— Может, не все обладать-то будут?—подумав, ска-

РАБОЧИЕ ДЕТИ.

На дворе, где плачут водостоки,
Шлифуют камни звонкие ручьи,
Мальчишка дворницкий — шалуи голубокий,
Как солнца сын, и светел и лучист.
Весь день с утра до вечера резвится,
То сверху упадет, то на верх взгромоздится.

Его сестренка лет семи-восьми,
В работе брату помогает. — «Коля,
Вот камень я нашла, не нужен мне, возьми» —
И брату подает большой булыжник Оля.
Сойдя с пристройки, Коля камень взял,
И принести еще сестренке приказал.

Смотря „на т. ужеников“, уносился я
В родное прошлое, без цели и заданий,
К румяным берегам цветного бытия,
Как сон чудесного, на жизненном экране.
И я благословлял детей рабочих, Колю
И ясную, как смех, его сестренку Олю.

Груздев С.

жгли и в это время громогласно анафему прокляту им возглашали. Ужести слушать! Волосы на голове шевелите—ей-богу! Конец свету подходит. После этого чего еще ждать? А где-то, говорят—забыл где, говорили где, да память-то у меня потерина, позабыл—камета ишь на землю села, верет на сорок кругом понапала все. Дождались! Не миновать, помни мое слово, и пашлой ты мне в рыло, коли и у нас, она не сидит на нас. Сидит! Дождемся! Попалят и нас, анафемов проклятых! Так нам и надо. За дело! Прогневили хозяина мыласового! Терпел, терпел, ждал, ждал, думал: «авось, мол, сукины сыны, образумятся, меня вспомнят, поболеят». Аи нет! Глядит, а они, сволачи, что дальше, то хуже на зло хозяину делают. Ну, знаем, до кого хошь доведись, по головке не поглади за такие дела. Дивиться надо, как еще огонь с неба не сойдет да не попалят цде всех, окаянных зараз?!

И помодчав немного и облизнув окончательно оттаявшие усы, воскликнул:

— Убирать надо скорей! На чердак, что ли, на избу вынести накеда, а там видно будет

— А где же молиться-то будешь?—спросила жена.— Доб-то перекрестить не на что. Татары мы что ли?

— Где хочешь, там и молись! Вот грехи-то!—воскликнул Аган Ивайч.—Туды будем покеда, до выяснения дела, лаять на чердак.

зла он.—Эка, дурак, не узнал я путем у куя! Может, какую похуже без ризов оставит на разавед? Эка, у нас матушка Праскопей-пятица, доска одна черная стала, лику не видать. Неужли же и ее обладать? Чего с нее взять-то, сама голая, нагнем стоит? Обсжди-ка, самделе, я сбегаю уяваю у куя, а ты накеда, не терий время, сымай благословись, вторые в ризах. Да руки-то не забудь, помои. Помни, к какому делу пристунаешь! Вот до чего дожили с ривальницей-то этой самой, будь она от меня трижды проклята! И-ну, и поке!

И нахлобуив на голову обими руками какую-то с ушами на заячем меху шанку, торопливо и озабочено выбежал из избы.

II.

Весь передний угол в избе заставлен был «богами». Стояли и висели они и на стенке направо и налево и, главным образом, пашди себе приют в каком-то особенном домике «кнете», устроенном наподобие не то клетки, не то ящика какого-то, в котором можно было держать кроликов, и освещались тремя повешенными в ряд разноцветными лампадами.

Оставшись одна, баба, жена Агана Ивайчича, «тетка» Авдотья, пожилая, высокая и худая, с тонкими синеватыми губами, подошла к столу в передний угол и остановившись начала, шепча что-то, креститься на иконы.

В это время, пока она крестилась, тем, на пороге по ту сторону двери на мосту, послышался топот сапогами по полу и немного погодя, в лоб, отворив прилипшую к потным косякам дверь, быстро вошел молодой, краснощекий парень, сын ее, Степан.

Убирать велел от греха на чердак. Побежал узнать, на всех будет налог, аль только на тех, которые в ризах?

— Куда он побежал-то? — засмеявшись, спросил сын.

— И кто это вам врет все? Под, что ли?

— А ты зубы-то не скаль,—совсем уж рассердившись

Первомайская демонстрация.

Войдя, он бросил на скамейку шапку, достал из кармана ключ и, отворив им небольшой стоявший в углу направо от входной двери низенький шкафчик, наполненный книжками, взял, поковырявшись в них, одну тощенькую в серой обертке, сузил ее в карман, свернув трубкой, и, снова заперев шкафчик, взялся за шапку.

крикнула на него мать. — Смешного тут ничего нету. Нашел, над чем смеяться,—бить-то нас леком! Такой же стал, как энти. Тебе сказано: не вяжись с ними, не ходи, а ты в союзу молодых зачавсяться хочешь. Что молчишь-то, неправда что-ли скажешь? В камысолцы каки-то?

— Правда, — сказал он. — Хочу.

Библиотечная выставка 1-го мая.

— Ты куда опить? — строго спросила мать, хмури брови.

— А что?

— А что! — все также опять строго передразнила она его и, помывав немного, жуя губами, сказала:

— Тебе, знамо, все-ничего, а тут вот дело какое—говорить страшно.

— Какое дело? — спросил сын.

— Какое? вот тебе какое! Иконы вои святые. Обладать налогом хосит. Отец сейчас был тут, — сказывал.

От этих его слов по худым щекам матери выступили какие-то красные пятна, а тонкие губы еще больше по-синели и она вся затряслась и завопила:

— Сделай только это, сукин ты сын, прокляну на веки веческие! Глаза твои поганые выкаварим с огнем, убьем! Я тебе что намерил еказывала: ходи в церковь, а ты пошел, а? исполнил ты мой наказ? Обедня шла, а ты где натаился, думаешь, я не знаю, а? У-у-у, мошенник! Не-христ! Женить пора, об этом бы подумал, а кто за тебя за черта за этакое пойдет? кака дура? Не-ет, батюшка,—

продолжала она, облизнув пересохшие губы, — не-о-г, врешь, покада мы живы, ты из нашей власти не выдешь! Найдем на тебя управу! Вот, истинный христос, не вру, с места не сойти мне, что съелш да ты в ихнюю шайку попадешь — не сын ты мне, а богоотступник! Прокляну! Своими руками придушу! Стрелотницу через тебя спосить не буду. И то вой уж люди стали смеяться: «стой, говорят, Степка-то никак тоже в камунисты записался». Тыфу! говорить-то тошно!

Сын молчал и с тоской ждал—когда она кончит, чтобы уйти. Но она и не думала кончать, а опять начала с еще большей злобой, вливавшейся в нее, как в бочку вода, от своих же собственных слов.

Аидотья затормозилась и, повабыв про сына и иконы, накинув на себя шубенку, побежала за ним.

— Это еще что такое?—оставшись один, задал сам себе вслух вопрос сын.—Пойду и я посмотрю, что такое.

И, по особому торопясь, свернув папироску и закурив ее, вышел из избы, заперев за собой на крыльце на запор дверь.

III.

Выйдя на улицу, он увидал, что около «саидена»,—дома на каменном фундаменте, принадлежавшего когда-то, до революции, разбогатевшему «кулацкому» углю и ку, сводившему в окрестностях рощи под уголь, разжиревшему, с отвисшим брюхом жулику, по фамилии Добром; се г-жаку

Юные музыканты.

— Этому мы тебя учили с отцом-то, чтобы ты от бога ступался? Для этого и тебя, пащенка, в зад-то звала махового? Бесстыжие твои глаза! Ты думаешь, тебя бог-то не накажет? Аи врешь — накажет! Невидимо накажет! Куда вот сейчас идешь-то? Куда? Зачем книжку то свою оклянную взял с собой? Погоди, доберусь я до твоих книжек, спаяю все когда-нибудь в печке! И дивное дело, — перебив сама себя, вскрикнула она, — бывало, рос, из храма господня не вызовыви. Ни обедню, ни заутреню, бывало, не пропустит. На клиросах цел. часы читал, а теперь что стало, в кого пошел? Дурак ты, дурак, ты бы об том подумал: кто ты есть? барин что ли какой, дворянин? Христиани ты православный, вот кто ты и ничего тебе опречь как христианством заниматься не надо. Мы книжек не читали, а слава тебе господи, прожилд век не хуже людей. Не узнали же старики-то глупее все были, а? Подумай-ка?

— Мне лешего думать, я и так знаю,—ответил сын и вылез за шубку двери, чтобы створить ее и уйти. Но в это время, как он хотел так сделать, дверь внезапно, помимо его отворилась и в избу, перешагнув порог, вошла, еще больше чем давеча запахавшийся, Агап Иванович.

— Аидоть,—закричал он,—зди скорей, беги смотреть жулику, бацдигу пымали, привезли к саидену. Пойдем скорей!

— А иконы-то?

— Аносля пащет икон посоветаемся, а сейчас не до икон!

— Да какого жулика-то?

— Не знаю. Говорят, лошадь угнал. Пымали.

И сказав это и поправив как давеча на голове шапку—опять скрылся за дверью.

— Иди скорей!—раздался еще раз его голос уже за дверью на мосту.

подожшему в первый же год революции, в то самое время, когда за него привалялся местный комитет бедноты,—толпится, что-то крича, толпа народа, а к этой толпе с того конца села и с этого бежали и торопливо шли граждане, мужики, бабы, робятишки.

Степан, чувя, что там творится что-то особенное, ускори шаг, направился туда же.

Протискавшись вперед, Степан увидал, что у входа в помещение совета у крыльца стоит запряженная в дровни лошадь, от которой шел пар, а в дровнях в передке сидит ее связанными руками и прикрученный еще клявком к рессорам веревкой, растрепанный, истерзанный, молодой малый.

Малый этот сидел скривившись и помучившимся от ужаса и боли глазами, как какой выбудь волк, подля ним го направо, то налево, по лицам окружающих дровни граждан.

Все его лицо было разбито, распухло и пожелтело.

Все он, и вся его фигура, лицо и мутные, переполненные ужасом и какой-то невыразимой скорбью, глаза, все было так странно и так дико, что, казалось бы, люди, окружавшие дровни, должны бы были разбежаться отсюда, стыдись и ужасаясь. Казалось, что так должно было бы быть, но на самом деле было как раз наоборот. Люди не разбежались, а лезли к нему, к этому избитому, жадными, от какого-то животного любопытства, глазами глядели на него и, казалось, ждали только чего-то висящего на волоске, готового оборваться, для того, чтобы им было можно броситься на него и начать бить.

Степан глядел, чувствуя, как какой-то холод наполняет его душу и мешает дышать, давя за гурло.

Он не сразу узнал, в чем дело. Оказалось, что вот этого самого сидевшего в дровнях молодого парня только что привезли в исполок, повывшегося за кражу лошади, той самой, на которой его привезли.

Было еще рано, когда они привезли его, и в совете, помимо одного только писаря, никого не было. Председатель как раз был в отлучке в далеких деревнях по организации комитетов взаимопомощи.

Послали за милиционером, который проживал версты за две в деревне, а пока что, не зная, что делать, куда деть пойманного, оставили его в саях, полурасдетого, избитого, а набегавшая толпа любопытных толкалась около саян, злобно надеваясь и порываясь бить его.

— Больше всех шумел и ругался Агап Иваныч.

— Что, сволачь,—кричал он,—попался! Убить тебя мало! Чего на него смотреть—прикопчить и конец! Все одно, повезем его в город, а там, глядишь, через месяц выпу-

— А-а-а-ай!—опять так же жалобно, как и давеча, закусил он, отстраняя голову, глядя на ударившего его,—то-о-варищи!!!

— Какие мы тебе товарищи? Вот тебе, сволачь, товарищи!!

Он ударил его еще и еще.

Желобный стон-вопл вырвался снова из распухшего залитого кровью рта его и этот вопль опять, как ножом, полоснул по сердцу Степана.

— Нельзя бить!—опять закричал он, хватая за руку ударившего.—Нельзя! Я...

Но ему не пришлось договорить, потому что отец его, Агап Иваныч, стоявший тут же рядом, схватил его за ши-

Сотрудники ред. «Кр. Зн.» на демонстрации 1 мая.

стят. Амнистия какая-нибудь выдет. Воруй опять. Спят, сволачь, деревню. У-у-у, дьявол!

И, говоря так, он ударил, ткнул малого в бок кулаком.

— А-а-а-ай!—жалобно, как раненый заяц, завопил тот, с ужасом глядя на Агапа Иваныча.

— Нельзя бить!—крикнул, стоявший рядом, Степан, чувствуя, как у него все больше и больше холодеет в груди.

— Отвечать будете. На это суд есть.

— Ха, не-е-льзя!—обернувшись к нему и как будто бы не узнавая его, в свою очередь закричал отец.—Нельзя! Богу на него молиться? Нельзя! Нет, ляз! Давай, ребята, пальцы ему поламаем. Эва, у него, у сволыча, как инструменты-то припасены: пила, буров. Не один небось он, шайка их. У-у-у, дьявол, пошу вот пилой-то этой ноги тебе пилить—все скажешь!

И, говоря так, он схватил пилу и хотел было привести свои слова в исполнение. Но в это время, растолкав толпу, прибегал захихавший возбужденный, с шашкой на затылке, хозяин украденной лошади.

Прежде всего он бросился к лошади, обжегал ее кругом, заплакал от радости и закричал:

— Моя, братцы!

— Говори нам спасибо,—крикнул ему в свою очередь те, которые привезли пойманного коноворада.

— Не пропадет за мной, братцы! Слава тебе, господи, нашлась! А у меня баба-жена давиться хотела. Нямали, сволыча?!

И, увидав полудрежащего в дровнях избитого врага своего, остановился перед ним и сразу сделался совсем какой-то другой, страшный, похожий на зверя, готового броситься и растерзать свою жертву. Избитый еще больше как-то весь скорчился, забирая голову в плечи, очевидно, ожидая удара, который и не замедлил произойти.

ворот и ударил кулаком в спину.

— За жуликов заступаться,—прерывающимся от злобы голосом закричал он,—за разбойников! Ах ты! Да я у тебя из души две души сделаю. Убью! Сват он тебе, брат, а? Ишь вы, волища проклятушая! Не слушай его, ребята, дурака чорта!

— Такой же, знать, будет,—раздалось около,—все они, сволачи, на один лад. Чего на него глядеть, аль тоже захотелось? Бей!

Хозяин украденной лошади снова взмахнул рукой и ударил им связанного вора в лицо. Тот дернул головой и кровь из рта у него поползла по углам губ на подбородок, густая и липкая.

— По-о-вить! Христа ради, по-о-дичи!—простонал он.

Мужик нагнулся, схватил в дровнях клочек сена, смял и начал совать его ему в рот.

— И-на, сволач, и-на! жри! и-на!

И, не удовлетворившись этим, поднял с земли замерзшую глинку лошадиного казла и начал пихать ее ему в рот, стуча ей, твердой и замершей, ему по зубам. Он закрыл глаза и запрокинул голову назад, а хозяин лошади продолжал пихать ему глиняной в зубы до тех пор, пока не разбил глинку на кусочки.

— Вот тебе, сволачь, вот тебе! На, жри! На жри, ле подавись. Жри! Жри!

И, повернувшись к толпе, весь возбужденный, с трясущимися руками, начал рассказывать, как пропала у него ночью лошадь, как он хватился ее, как испугался, как побежал искать на большую дорогу в то самое село, где поймали вора и т. д. и т. д.

Его жадно слушали, сочувствовали ему, ибо это беда, беда потерять лошадь, теперь, когда ей цена миллиарды, была понятна и близка всем. И по мере того, как он рас-

МАЛЕНЬКИЙ ФАКТ.

Братишка мой — из „фабзайчат“,
 Парнишка шустрый и ловчага,
 Паял и клеил и стучал.
 Планы чертил и рвал бумагу,
 Стучал неделю, сохраняя
 Сосредоточенность и важность,
 Потом к себе втащил меня,
 Как взрослый забасил, протяжно;
 Ко мне придвинул чертежи,
 Куснул рассеянно краюшку
 И гордо руку положил
 На самолет — модель — игрушку:
 — Хочу устроить так завод,
 Мотора нет — вот в чем все дело!
 Чтобы дала пружина ход,
 Пропеллер завертела.
 — Какой системы? — я вскричал, —
 Ведь это, чорт возьми, занято!
 И он мне важно пробурчал:
 — Системы Юнкерса, понятно!
 Прищурил глаз: — еще не все —
 Остался хвост, к пружине крышки...
 Его мы в детский дом снесем —
 Пускай играют ребятишки!

* * *

Теперь ко всем:
 Конечно,
 Это простой пустяк —
 Какая-то модель самолета;
 Но разве этот маленький факт
 Не бьется в такт
 С новыми днями Воздушного флота?
 В самом деле
 Это простой пустяк —
 Так на „неделю“
 Отозваться сумел фабзайченоч.
 Взрослый откликнется — знает как —
 Как сделать не смог ребенок.

Дм. Мазнин.

сказывал, возбуждение и злоба к вору нарастала все больше и больше. Не было лица, на котором бы было можно прочесть хотя бы какое-либо маленькое человеческое со-

в чем дело. Но он, не слушая этих криков, осмотрел избитого, покачал головой и сказал:

— Нельзя, граждане, бить. Смотрите, что вы с ним

Наше будущее.

чувствие, жалость к избиваемому до полусмерти человеку, и возможно, что все это кончилось бы тем, что возбужденные видом крови, озлобленные люди, подобно каким-то людоедам-дикарям, бросились, разорвали бы, убили бы его, ес-

сделали—за это не похвалят. Расходитесь! Чего он здесь сидит? В исполком его надо, составить протокол, в город отправить. Ведите кто-нибудь. Помогите!

Сказав это, он повернулся и пошел в помещение совета.

На площади Революции.

ли бы в это время не явился, наконец, так долго и приходивший милиционер.

Оказалось, что он потому не являлся так долго, что был болен, и это было видно по его потемневшему осунувшемуся лицу.

Крича и перебивая друг друга, начали ему объяснять,

И сейчас же, как только он ушел, воспользовавшийся его отсутствием, кто-то, с той стороны саней, ударил копырада по голове палкой и крикнул:

— Пришибить—и делу конец! В исполком его, чорта, в тепло! Пушай выдыхает на морозе.

— Правильно!—завопил Аган Иваныч и с своей сто-

роны схватил его левой рукой за глотку, а правой начал наносить по лицу удар за ударом.

— Товарищ милиционер,—закричал, как мог, пуб-

— Такой же дьявол, как и этот. Бей его!—крикнул кто-то,—один, знать, шайка. Чего он за него стоит, за жулика? Го, го, го!

Тов. Луначарский говорит речь.

важный,—бьют!

Степан, отодвинутый несколько в сторону, после того, как давеча отец ударил его, видя это, не помня себя, зак-

Авдотья с воплем вцепилась сади в сына и оттащила его от Агана Иванчича, который, как волк, щелкая зубами и дико озирался помутившимися глазами, орал:

Инвалиды на первомайской демонстрации.

ричал, бросился к салям и сильно оттолкнул отца от них.

Агав Иванчич споткнулся и упал. Поднявшись и видя, кто его толкнул, он обезумел и с поднятыми кулаками, с пеной у рта, крича матерные слова, бросился на сына. Позади их раздался провангельский женский визг. Это завизжала Авдотья, бросившаяся разнимать их.

— Убью! зарежу! Убью! зарежу!

Мать оттащила Степана в сторону. Он как-то весь сразу ослаб и, трясся с головы до ног мелкой и частой дрожью, силясь что-то сказать и не мог сказать, а только как-то хлопал губами, точно малый ребенок и, как будто бы сразу лишившись ног, опускался к земле.

Мать почти на себе поволокла его домой, а возбужденный и ошалевший Агап Иванович полез снова к самым дряблям и, не помня себя, орал:

Что-то жутко-страшное, непонятное, но вместе с тем реально-живое было во всем этом.

— Как твоя фамилия?— начал допрос милиционер.

Тов. Луначарский и тов. Корнев.

— Иконы обкладать, богоотступники, жулики! Лошадки воровать! Го, го, го! Шкуру останую с православных сдирать! Бей их, дьяволов!

IV.

Любитый, когда его, по указу милиционера, отвязали от кресла дровней и спустили на землю, не мог сам

И, не дождавшись ответа, кроме какого-то мычания, опять спросил:

— Кто ты? Чей? Откуда? Говори!

— Молчит, дьявол, не говорит!— сказал кто-то из зрителей.— Подомать ему пальцы— скажет.

— Один ты воровал?— снова крикнул милиционер.

Тов. Луначарский на трибуне.

ити в помещении совета.

Здесь его посадили как раз под портретом товарища Ленина, глядевшего на все это сверху приниженными как-будто глазами, и милиционер приступил к допросу.

Любитый сидел на стуле, весь сжавшись в комок, и неподобно глядел не на милиционера, а на этих глядевших на него людей и, очевидно, весь переполненный страхом, ждал с какой-нибудь стороны удара.

— Да, так он тебе и сказал! Знаю, чай, не один. Да ты его хоть зарежь, а товарищей своих он не выдаст,— опять сказал кто-то из зрителей.

— Кто ты?— снова спросил начавший сердиться милиционер.— Говори!

Тогда любитель, собрав усилия, залопотал что-то, что трудно было понять, ибо у него во рту хлюпала кровь, которую он, наклонившись, выплевывал с усилием на п. л.

В конце концов милиционеру все-таки удалось собрать нужные сведения для протокола и, между прочим, удалось добиться признания от вора в том, что он на парню эту лошадь угнал, а четвертую.

Это известие, точно сухой соломой в огонь подбросили, сразу еще больше подняло среди зрителей возбужденное построение. Послышались угрозы: «Добей его, черта! Собака собачья смерть» и т. п. и когда все официальное было закончено, написаны все нужные бумажки и когда надо было выводить конокрада из помещения совета и сажать в дровни для отправки в город, тогда, пока его вели (милиционер вышел вперед), то ему, нарочно задевая его, паничили с обеих сторон удары под бока, так что он, как

— Я,— кричал он,— доставлю. Мне все что делать дома нечего, а в город надо.

— Смотрите, граждане,— говорил милиционер, дорогой не безобразничать. Не бить. Отвечать будете.

— Ну, не понимаем мы что-ли! Авось, не дураки. Доставим! — кричал Аган Иванович. — Обожгите только, и домой убегаю, жене скажу.

— Что тебе бегать-то, садись, поспай. Мимо пабы поедешь, забежишь, скажешь,— посоветывал кто-то.

— А и то правда! — согласился он.

У.

Придя с матерью домой, Степан успокоился немного,

В политехникуме.

раз, с мучительным глухим стоном, извивался весь и корчился, как береста на огне.

Аган Иванович шел позади и бил его то коленкой, то кулаком по голове, а когда, наконец, вывели его и стали сажать в дровни и кто-то посоветовал, помимо уже связанных рук преступника, связать еще и ноги, закричал:

— Где пиза-то?! Давайте, я ему отпилю их, а то выдумали привязывать, веревку поганить. Пришибить собаку, пока не убер, а то, все одно, там отпустят. Там у него найдутся защитники!

— Непьющий твоего сына, коммуниста Степки,— с злободетством подергал его кто-то.— Знаю он об нем дачеца как хлопотал. Приятель! Должно, рыбак рыбака с другого берега видит.

Аган Иванович весь побагровел от этих слов, но сдержался и ничего не сказал, почувствовав только, как у него от этих слов, от этой, по его понятию, «срамотницы», встухнула звериная мстительная злоба к сыну.

— Бой!— заорал он, выливая наружу эту злобу криком.— Бей их, смутьянов, пехристов!

Конокрада привели на те же самые дровни, на которых привезли. Нашедший хозяин лошади и дровней дал с своей стороны согласие «доставить» его в город. Сам милиционер, по случайной болезни не мог ехать, это-то как раз ему и надо было сделать. Надо было ехать, сопровождать преступника до места назначения еще кому-нибудь и вот этот-то «еще кто-нибудь», оказался Аган Иванович, сам охотно прибавившийся на это дело.

пришел в себя и, устыдившись своей слабости, порывался снова бежать к совету. Но мать, испуганная только что происшедшей сценой и боясь ее повторения и того, главным образом, «что будут говорить люди» и «что подумают теперь об ее сыне, заступающемся за конокрада», встала около двери спиной к ней и, заслонив ее собой, готовая скорей умереть, чем пустить сына, не пускала его.

— Убьют они его там, — говорил сын, порывался уйти, — обязательно убьют. Первый отец. Знаю я.

— Убьют — глупость всего и делов! — равнодушно говорила мать. — Таких жалеть нечего. Сам на то шел. Убьют — другая наука. Неужли же прощать? Скажем, у нас бы бабылу угнали, что бы сказали? А им все равно, они не разбирают. Не наше дело, сынок! Убьют — туда ему и дорога. Так и надо; не уводи. И не думай что я тебя пушу и не срами ты нас перед народом! Что могут сказать-то? Ты то подумай: за кого ты стоишь-то? За вора, за разбойника. Все на него, а один ты, дурак, выискался за него.

— Да не все, — кричал сын, — никого наших нет!

— Кого это, «наших-то»? Камзолцев-то твоих, что ли? Хм! — усмехнулась она. — Ног-то, им не ломали, так, авось, господь даст, дождется—поломают. «Наших», — перерезала она его, — погоди тот уже овец приедет, он тебе покажет «наших». Вышибет из тебя эту манеру-то. Ишь ты, до чего добрался, со сволочами-то спознавшись, за жуликов, воров, отца родного за глотку взял. Я те пойдю! Поди только, как я, истинный христос, в больмы-то

тобе и идеешься! Не посмотрю, что тебя, дурака, женить пора. Садись вон к столу, жри, а там тебе делать нечего.

— Убьют! — опять повторил Степан.

— Знаю убьют. Не сейчас, так опосля, — равнодушно, как и давеча, согласилась мать. — А тебе какая забота? Ах захотел, чтобы и тебе ребра переломали?

— Милиционер там, не дост, может быть, бить-то? — снова сказал сын.

— Хн, — милиционер, — усмехнувшись, промолвила мать. — а он-то кто, дешто не христьянин, милиционер-то твой? У него тоже лошадь есть. Все мы на одном полюзу едем. Это ты вот, дурак, один выскелся, по своему суждью, по-повому.

— Дарай! — опять заорал Аган Иванович. — Некогда мне. Ждут.

И, обернувшись к сыну, сказал:

— А с тобой с мащенником, у меня опосля разговор будет. Говори слава богу, некогда мне сейчас-то.

— Ничего ты мне, отец, не сделаешь, — поблдев и видимо сдерживая себя, ответил сын. — Жить я с вами не стану. Уйду.

— Как так не стану? — только и мог произнести пораженный его словами отец.

— Слушай ты его! — обращаясь к мужу, вступилась за сына мать, вероятно, испугавшись, глядя на мужа. — Болтает, сам не знает что. На-ко деньги-то, поспайкай с

Среди студентов.

И, помолчав немного, глядя на сына, добавила:

— Теперь отца не дождеешься, а время, обед скоро. Собрать тебе, что ли?

— Не хочу и ничего! Пусть! Чего ты меня, как ребенка, стережешь?

— Не пуцуй! А не послушаешь, за отцом сбегаш. Он те науучит, непоньч того жулика.

Степан замолчал и отвернувшись стал глядеть в окно. Вдруг он рывком и, торопливо перебежав к другому окну, из которого было лучше видно, усталился в него.

— Мам! — крикнул он, — гляди-ко — вузуй! Гляди, гляди, что делают! И отец там. Остановившись насупротив нее. Гляди, гляди, отец сюда бежит!

— Господи Исуси, — вса встрепенувшись, воскликнула Авдотья, — не случилось ли чего?

В это время, там за стеной на крыльце хлопнула дверь, послышались торопливые шаги по мосту и через минуту в избы вбежал, отворив дверь, Аган Иванович.

— Дарай скорей десять лимонов — закричал он на жену.

— Это зачем такое?

— Да-а-най! Надо! В город еду, сопровождающий бандиту. Избран. Кроме меня никому. Уж и потешимся мы над ним дорогой! — воскликнул он, потирая руки, — другу другу, думается, закажет, как лошадей угопять.

— Что тебе пуцье людей надо? Выскелся с языком-то! Куда тебе черт понесет? Тебе то что за дело до чужого дела. Деньги переводить.

богом. Опосля будет время поговорить. Ждут тебя.

И, говоря так, она быстро достала лежанку на полке у «богов» деньги и подала ему.

Аган Иванович молча взял их и, иди уже к порогу, обернулся к жене и сказал:

— Иконы то не забудь убрать. Все убирай. На все налог и с ризами и без риз.

И, взглянув на сына, добавил:

— А все вы, сукины сыны, наделали с ривальюцией-то нашей, богоступники, сволочи! Все вам мало! Попался вон один, слава тебе господи, испека! Умает теперь, за все ответил!

— А ты добывать его едешь, православный христьянин? — глядя на него, негромко спросил сын.

— А тебе жазко?

Степан ничего не ответил и молча глядел на отца. Тогда в свою очередь, тоже глядел на него и в этом длившемся всего только несколько секунд молчании было что-то такое страшное, что Авдотья, наблюдавшая за ними, испугалась и закричала:

— Да бросьте вы! Ну вас! Аган, вы, куда идешь! Иди! Иди! Ну вас к богу! Зателли, не знаю что.

— Смотри, сволочь, — подняв кулак и погрозив им сыну, прохрипел Аган Иванович. — Знай край, да не падай!

— Иди, добивай! — вставая со сламейки, на которой сидел, крикнул сын. — Не боюсь я тебя. Довольно. Кончилось наше царство. Не отец ты мне. Не отец, не отец,

ДЕМОНСТРАЦИЯ ПО СЛУЧАЮ УБИЙСТВА ПОЛПРЕДА ТОВА ВОРОВСКОГО.

На площади Революции.

Около Гортетра.

не отец! — со слезами в голосе, все больше и больше возвышая его, закричал он.

Агаша Иваныч остолбенел. Потом вдруг все лицо его доблгровело от прилива крови, глаза налились и он, не слыша уже пронзительного вопля-визга жены своей, хватаншей его за плечи, схватил какой-то твердый валявшийся на скамейке предмет, не то валек, не то недоделанное тяжелое из березовой плахи топориче и со всего размаха, не помня себя, ударил им сына по голове.

Что-то треснуло, точно громко раскусили орех, и сын,

взмахнув руками, скользнул ногами по полу, навзничь спиной повалился к окнам.

С пронзительным, душу раздирающим воплем, страшной, с выкатившимися от ужаса глазами, крича что-то, выскочила из избы на улицу Авдотья и, махая руками, по разбирая дороги, цепляясь по снегу, побежал туда, где стояла дожидавшаяся Агаша Иваныча подвода с лежавшим и жалобно стонавшим в дровнях полумертвым конокрадом.

С. Под'ячев.